

Ombra adorata

Автор:

[Константин Образцов](#)

Ombra adorata

Константин Александрович Образцов

Загулявший менеджер среднего звена попадает на темную сторону мистического Петербурга. Литературная шутка о силе неразделенной любви, феминизме, вампирах и людоедах от автора «Красных Цепей».

Константин Образцов

Ombra adorata[1 - «Возлюбленная тень» (лат.)]

1

Пробуждение было внезапным, как будто что-то мягкое и большое толкнулось изнутри в стенки черепной коробки. Платон резко открыл глаза и уставился в темноту.

«Где я?»

Широкий прямоугольник окна, тускло светящийся серым. Легкая дымка прозрачных занавесок из тюля. Черный силуэт громоздкого шкафа в углу. Прямо перед глазами – прикроватная тумбочка, на ней маленькая лампа, похожая на поганку с металлической ножкой и шляпкой из матового стекла. Все незнакомое. Наволочка маленькой мягкой подушки и пододеяльник пахнут чужими запахами.

«Не дома».

Внутри дернулась паника. Платон приподнял голову: густая мутная волна всколыхнулась, тяжело прокатившись от желудка, и ударила тошнотворным головокружением в мозг. Мир вокруг ухнул вниз, потом взмыл вверх, а потом медленно стал поворачиваться под каким-то невыносимым углом. Кровать угрожающе накренилась, как палуба корабля, преодолевающего яростный шторм. Платон застонал и уронил голову обратно на подушку.

«Не дома».

На тумбочке что-то едва заметно светилось голубоватым. Платон медленно протянул левую руку и принялся шарить, перебирая пальцами по полированной деревянной поверхности. Холодный металл и пластик. Мобильный. Значит, не потерял. Это хорошая новость.

Стараясь не двигать головой, он поднес телефон к глазам и нажал на клавишу. Слабое свечение экрана беспощадно резануло по глазам, как лучи ослепительных прожекторов. Платон прищурился и стал смотреть.

2.17 ночи. Пропущенных звонков: 33. Непрочитанных сообщений: 9.

Он со стуком положил телефон обратно на тумбочку и опять застонал. Не было нужды уточнять, кто звонил ему на мобильный больше трех десятков раз. Возможное содержание сообщений пугало.

Марина.

Головная боль, стыд, страх и тошнота закружились унылым хороводом. Мозг был не в состоянии обдумывать больше одной мысли кряду и работал медленно и подчеркнуто обстоятельно, как двигается порой сильно пьяный человек, желающий показать, что все у него под контролем: покончил на время с обработкой информации от органов зрения, посмотрел на вопрос «Что теперь делать?», крикнул, отложил его в сторону, и взялся за уточнение «Где я?» и «Почему я тут оказался?».

За спиной у Платона что-то зашевелилось и засопело. Он осторожно, стараясь не вызвать очередной шквал муторного шторма, перевернулся на спину и скосил глаза влево. Вопрос о том, почему он тут оказался, разрешился: длинноногая причина этого лежала рядом, вытянувшись поверх одеяла и, разметав по подушке длинные блондинистые волосы, уютно посапывала во сне. Обнаженное тело матово поблескивало в неверном ночном свете. «Анечка, – подсказал мозг через несколько долгих секунд. – Из отдела отгрузки».

Платон закрыл глаза. Память начала возвращаться неровными, пульсирующими толчками, как будто одышливый старый компьютер пытался загрузить слишком большую картинку.

– Я сегодня задержусь ненадолго, – сказал Платон утром, уходя на работу. – У Бабанова день рождения, посидим чуть-чуть, чисто символически. Часик, не больше.

– Хорошо, – ответила Марина. – Только не пей много, пожалуйста.

Платон беззаботно махнул рукой.

– Нет, что ты! Делать мне больше нечего, кроме как напиться с коллегами.

Жена поцеловала его в щеку, улыбнулась, но, когда закрывала за Платоном дверь, в глазах ее была настороженность. И надо сказать, что поводы для беспокойства у Марины имелись.

Разумеется, он не был алкоголиком. Алкоголики, знаете ли, не работают начальниками отделов региональных продаж в крупных производственных компаниях – так он всегда говорил, когда заходила речь о том, не слишком ли много он стал пить в последнее время. Какой еще алкоголизм, о чем вы. Но выпить Платон любил, это нужно было признать, и возможности такой не упускал. Сначала это было как бы частью работы, особенно в командировках, на переговорах с дистрибьюторами в других городах. Какие, спрашивается, переговоры без алкоголя и бани? Но потом он постепенно втянулся и вошел во вкус. Три года назад, когда они с Мариной только поженились, дело действительно ограничивалось только попойками с клиентами в деловых поездках и на выставках, ну и иногда, достаточно редко, с друзьями, по пятницам, в пабе. Скоро пятничные посиделки сделались еженедельными, потом

к ним прибавились среды, а теперь он практически каждый вечер выпивал дома одну – две порции виски, ибо работа в продажах напряженная, нервная, и надо как-то расслабляться. В конце концов, все так делают. И ничего, не спиваются.

Возможно, будь на месте Марины какая-то другая спутница жизни, она бы не позволила Платону слишком заигрывать с алкоголем, но в том-то и дело, что никакой другой женщины на ее месте быть не могло: Марина отличалась покладистым и мягким характером, была настоящей, хорошей, заботливой и любящей женой – может быть, даже слишком любящей – и Платон женился на ней именно потому, что хотел как раз такую – обычную, домашнюю, спокойную, возможно, по контрасту со слишком бурными романами, случавшимися у него до брака. Она его ни в чем не ограничивала, привычки задавать лишних вопросов не имела, не лазала в мобильный телефон в ревнивых поисках следов возможных измен, почти не спорила, и если Платону порой становилось с ней скучно, то он говорил себе, что скука – обратная сторона покоя, каковой и должен ждать дома всякого честного труженика и ударника капиталистического труда.

33 пропущенных звонка. 9 непрочитанных сообщений. О том, что ждет его дома сейчас, было страшно подумать.

А ведь ничто не предвещало беды. В шесть вечера, сразу после окончания последнего рабочего дня недели, в большой переговорной коммерческого отдела для поздравления директора по продажам Бабанова собралось человек двадцать: руководители трех отделов, несколько менеджеров, девчонки из департамента маркетинга, пара немолодых теток из бухгалтерии, толстая начальница службы отгрузки и с ней диспетчер Анечка. Длинный стол был накрыт, как обычно принято на офисных посиделках: мясная нарезка в пластиковых упаковках из ближайшего супермаркета, сыр, немного фруктов, конфеты и дешевый коньяк. Платон, честно собиравшийся пробыть тут не более часа, решил компенсировать краткость времени скоростью употребления спиртных напитков, и сам не заметил, как перешел ту тонкую грань, за которой решения принимаешь уже не ты, а резвящийся в крови алкоголь. Выпивка быстро кончилась, но кто-то принес из записки в кабинете еще одну бутылку коньяка, дешевле и пахучее предыдущего. Больше половины гостей вечера постепенно исчезли, разойдясь кто куда. Остались только самые стойкие: сам Бабанов, украдкой тискающий рыжую девицу из отдела маркетинга, пара менеджеров, Платон и Анечка, которая вдруг оказалась сидящей с ним рядом, совсем близко. Анечка была очень высокой, узкобедрой, с длинными ногами,

обтянутыми узкими голубыми джинсами, светлыми волосами до лопаток и голубыми глазами; личико ее было не то, чтобы привлекательным, скорее «своеобразным» или «на любителя», но через некоторое время Платон уже оценивал Анечку как «милую», уверенно продвигаясь к определению «сексуальная». Дальнейшие воспоминания смешались в хаос рваных фрагментов картинок и образов: пластиковый стаканчик, задетый неверной рукой, опрокидывается, разливая коричневатую лужу; чей-то смех; Бабанов пытается повесить на стену подаренную мишень для игры в дартс, но роняет ее раз за разом с грохотом и веселыми ругательствами; из нескольких телефонов звучат разные мелодии, сливаясь в невероятную какофонию, под которую кто-то пытается танцевать, а кто-то – петь; они с Анечкой курят на лестнице, и Платон что-то ей объясняет про преимущества женатых мужчин. Ее глаза из голубых стали лазоревыми и даже как будто светились во мраке. Ему кажется, или они целовались?.. Да, точно, целовались прямо там, в курилке на полутемной офисной лестнице, и она сильно сжимала своими длинными пальцами его задницу...

Вот черт!

Платон, а точнее, пустившийся во все тяжкие коньяк в его организме, предложил продолжить веселье в пабе «Френсис Дрейк», и все с радостью согласились. Первые звонки от Марины; он выключил звук на телефоне и спрятал его в карман, не желая, чтобы мигающее на экране слово «Любимая» смутило льнущую к нему Анечку. Ночь, дождь со снегом, все вместе идут к двум машинам такси, Бабанов несет большую мишень на голове, как восточные женщины носят подносы. В пятницу вечером паб переполнен людьми, ревом музыки, огнями, запахами, взглядами, горячим воздухом, жаркими прикосновениями. Они втискиваются за боковой столик, Анечка сидит у него на коленях, Бабанов тискает рыжую девицу из маркетинга, потом к ним присоединяется еще кто-то – незнакомые женские лица, бутылка шампанского, Платон кричит, что всех угощает; они с Анечкой в пропахшем перегаром, мочой и тестостероном туалете, он прижал ее к стенке, она кусает его за ухо и шепчет: «Хочешь меня трахнуть?»..

Черт, черт, черт!

Платон осторожно опустил руку под одеяло. Худшие опасения оправдались: он лежал совершенно голый. Воспоминания о поездке домой к Анечке, как и о том, удалось ли осуществить то, о чем она шептала ему в туалете гудящего паба,

отсутствовали: то ли напрочь стерлись под грузом виски и пива, смешавшихся с коньяком, то ли милосердная память не желала усугублять сверх меры его физических мук страданиями моральными. Платон еще раз покосился на лежащее рядом голое женское тело, повернулся на правый бок и свесил голову вниз. Кровать резко качнулась и поплыла; он зажмурился, пережидая очередной приступ дурноты, а потом снова открыл глаза. За окном скользнули быстрые, рваные тени, и сероватый свет сменился другим, белесым и мертвым: луна, вошедшая сегодня в свою полную силу, бросила на землю равнодушный взгляд сквозь прореху в прохудившихся тучах. Холодный луч упал на беспорядочный ворох одежды на полу, то ли сорванной в порыве страсти, то ли просто брошенной как попало в пьяном бессилии. Пиджак, рубашка, джинсы, носки, свернувшиеся в неопрятные мягкие комья. Где трусы?! А, вот они, под пиджаком. Слава Богу.

Телефон на тумбочке замерцал синим, и заерзал, негромко жужжа. На экране высветилось «Любимая». Платон почувствовал, как к лицу прилила горячая кровь. Мобильник еще немного подергался и затих, а через секунду снова коротко содрогнулся, будто в последней предсмертной конвульсии: пришло еще одно сообщение. Десятое.

Платон откинул край одеяла, сжал зубы, выдохнул и резко сел. Стены, потолок, пол отозвались на это движение яростным вращением; впечатление было такое, будто его засунули в огромную бочку и пустили вниз по склону холма. Платон, собрав волю в кулак, переждал, пока остановится эта тошная круговерть, и сделал следующий решительный шаг: спустил ноги с кровати и попытался встать. Пол ухнул куда-то вниз, уйдя из-под ног так внезапно, что Платону пришлось опуститься на четвереньки прямо в ворох своей одежды. Ничего, это даже к лучшему. Стараясь не шуметь и не делать порывистых движений, он закопошился, кое-как натягивая одежду. Взял пиджак, ощупал карманы, вынул паспорт и проверил бумажник: оба отделения были безнадежно пусты. Платон скрипнул зубами, вспомнив, как всего несколько часов назад угощал кого ни попадя в пабе, а потом раз за разом пересчитывал расплывающиеся перед глазами купюры, пытаюсь оплатить счет. Кажется, в итоге пришлось доплачивать банковской картой. А вот и она – засунута хоть и криво, но надежно, в соответствующее отделение. Платон раскрыл паспорт: из-за кожаного корешка обложки выглядывала рыжеватая банкнота. Пять тысяч рублей, заначка на крайний случай, оружие последней надежды, спасательный круг в случае житейского кораблекрушения. То ли он в пьяном угаре забыл про этот ценный ресурс, то ли даже в беспмятстве какая-то часть его сознания уберегла от того, чтобы не скинуть оставшуюся наличность. Что ж, ситуация

постепенно налаживается. Теперь нужно отсюда уйти, и, по возможности, тихо.

Платон осторожно встал на ноги; окружающее чуть качнулось, но уже не так сильно, как прежде. Осторожно ступая в почти непроницаемой тьме, Платон принялся обходить большую кровать, наощупь пробираясь мимо шкафа и едва различимого в густом мраке телевизора на низкой тумбочке. Впереди зиял черный зев раскрытой двери. Платон на мгновение остановился на пороге и оглянулся. Обнаженная Анечка по-прежнему лежала на животе, вытянувшись от изголовья до изножья кровати, погруженная в подобный глубокому нокауту наркотический сон. Аккуратные круглые ягодицы упруго выпирали вверх, вызывая поблескивая в лунном свете; меж чуть раздвинутых длинных ног притаилась теплая тьма. Платон сглотнул и отвернулся.

Черт. Черт. Черт.

Подсвечивая дорогу экраном мобильного телефона, он начал красться по коридору сквозь мрак и непривычные запахи чужого жилья. Из-за приоткрытой двери туалета негромко журчала вода, словно переговаривались потусторонние голоса. Впереди бесформенным пугалом чернела вешалка для верхней одежды – значит, где-то рядом входная дверь. Проходя мимо зеркал в дверцах платяного шкафа, Платон на миг увидел свое отражение, подсвеченное призрачно-синим – дикий взгляд выпученных глаз, приоткрытый рот, всклокоченные волосы – и отшатнулся. Из-под ног что-то метнулось, зашипело и шмыгнуло в сторону. Похоже, он чуть не наступил на кота. А был тут вчера кот? Платон не помнил. Да и о каком «вчера» может идти речь, если всего двенадцать часов назад он сидел у себя в кабинете, чистый, трезвый и думал о том, куда сходить с Мариной на выходные?..

Замок на двери оказался простым. Платон правой рукой медленно отодвинул в сторону маленькие рукоятки двух ригелей, перекинул через левую руку куртку, подцепил ботинки и не обуваясь вышел за порог. Немного повозился, чтобы запереть замок, придерживая ригели пальцем и стараясь захлопнуть дверь так, чтобы стальные цилиндры защелкнулись в пазах. Конечно, можно было бы оставить квартиру незапертой, но Платон подумал про голую Анечку, погруженную в мертвецкий сон и беззащитно раскинувшую ноги, и решил не рисковать. Мало ли, кого может принести сюда глубокой ночью. Он закрыл дверь, натянул куртку, зашнуровал ботинки и стал спускаться по лестнице.

Подъезд казался совершенно незнакомым. Серые стены, узкие коридоры, куда выходили молчаливые двери квартир, забранная провололочной сеткой открытая шахта лифта, в которой высоко наверху висела, покачиваясь, древняя деревянная кабина, будто тромб, готовый оторваться от стенки сосуда. Платон даже не знал, на каком этаже находится. Эхо шагов разносилось по каменному колодцу лестничного пролета, разлеталось гулками, тревожными звуками, возвращалось назад, неся откуда-то сверху скрипы, железное звяканье и завывание ветра в вентиляционной трубе. Отовсюду исходило ощущение мертвой, холодной угрозы, как будто неживые глаза уставились с разных сторон, тараща мутные бельма. В кармане снова беззвучно завибрировал телефон. Платон вздрогнул и ускорил шаги.

Он прошел восемь лестничных пролетов, миновал пропитанный вонючим горячим паром из сырого подвала полумрак первого этажа, с натугой толкнул тяжелую железную дверь и вышел, жадно глотая холодный и мокрый воздух.

Снаружи его встретили ночь, мрак, ветер и промозглый холод. Дождь и снег прекратились, но влажное дыхание непогоды еще ощущалось, и Платона тут же стала бить крупная, похмельная дрожь. Он стоял в лужице жидкого желтого света покосившегося фонаря над парадной; напротив, на детской площадке, виделись очертания качелей и горок, похожих на механических монстров, выбравшихся из сырых подземелий. Низкорослые, кривые и тонкие деревца гнулись в разные стороны, размахивая хилыми голыми ветками. Вокруг возвышались дома – серые, высокие, длинные – стены запутанного лабиринта, из которого не было выхода. Откуда-то издали доносились хриплые крики и раскаты пьяного хохота. По серо-багровому небу, отражающему марево огней неспящего города, неслись неровные клочья дождевых облаков, сквозь которые то и дело вниз смотрела идеально круглая луна, как укрепленный на небосводе прожектор, шарящий замогильным лучом в поисках новой жертвы. Платон съежился, поднял воротник куртки и пошел наугад. В том, чтобы добраться домой, проблемы не было: деньги есть, нужно просто выйти на улицу, поднять руку и поймать машину. Проще простого. Трудность была в другом: как объясняться с Мариной.

Конечно, он не один, не два, да что уж там, даже не десять раз возвращался домой пьяным; порой даже настолько, что и вовсе не помнил, как добирался до своего семейного гнезда. Обычно такие возвращения случались за полночь или даже под утро, и просыпаясь с похмелья в супружеской спальне он каждый раз с неприятным беспокойством и некоторым раздражением ждал, как отреагирует

на это Марина; но она только сочувственно улыбалась, приносила ему воду, сок, крепкий чай, мягко увещевала, как мать непутевого сына, и он таял и искренне обещал, что подобное больше не повторится. Но никогда, ни разу за три года брака, он не пропадал на всю ночь, не отвечая на ее звонки; ни разу на его телефоне не появлялось уведомление «33 пропущенных вызова», «9 непрочитанных сообщений». И ни разу он не просыпался голым и пьяным в постели с другой женщиной – ну, разве что в командировках, где гостеприимство принимающей стороны обычно не ограничивалось попойкой и баней, но предполагало еще и угощение иного рода; но тогда ему не нужно было, едва выбравшись из кровати, согретой животным теплом голых тел, ехать к жене. Платон не был уверен, что сможет, вернувшись домой, врать достаточно уверенно и убедительно, что сможет посмотреть Марине в ее цвета морской волны глаза и не отвести взгляд. Ему нужно было алиби. Повод, причина, объяснение, почему он не брал телефон и где провел эту ночь.

Он прошел между высоких, уходящих в тревожное небо серых стен двух домов и вышел на улицу. Впереди раскинулись ночные пространства: перекресток широких проспектов, огни фонарей, фары машин, силуэты суетливых прохожих; в дверях ночного магазина под кроваво-красной вывеской «ПРОДУКТЫ» торопливо сновали люди; один из них, с остекленевшими глазами, в домашних шлепанцах, надетых на шерстяные носки, в тренировочных брюках и тельняшке под кожаной курткой, прошел совсем рядом с Платоном, обдав утробным рычанием и густым перегаром. По тротуару, цокая нелепо высокими каблуками, на полусогнутых коротеньких ножках продефилировали три толстомордых девицы с яркими банками алкогольного коктейля в руках. Издалека снова захохотали, а потом заорали, да так, словно кто-то большой, пьяный и хриплый то ли в муках рождался на свет, то ли в не меньших страданиях покидал этот мир. Платон огляделся, пытаясь увидеть на стенах домов таблички с названием улицы, но разглядел только большие цифры «39», намалеванные черной краской на кирпичной стене.

Он по-прежнему не понимал, где находится.

Впрочем, это сейчас не так важно. Алиби. Объяснение. Причина.

У самого перекрестка, рядом с пустой автобусной остановкой Платон заметил полицейский автомобиль – обычный светлый седан с синими полосами на борту. Возле него переминались с ноги на ногу двое патрульных: один худой и высокий, другой низенький, толстый, с коротким автоматом на выпирающем животе.

Платон задумался на секунду, потом кивнул и быстрым шагом направился к полицейским, стараясь не сбиться на бег и молясь про себя, чтобы они никуда не уехали.

Патрульные заметили Платона, когда он был от них шагах в десяти: прервали негромкий разговор и уставились с тем недовольным, настороженным и немного брезгливым выражением лиц, с каким обычно смотрят сотрудники органов охраны правопорядка на гражданина, вздумавшего обратиться к ним первым. Платон сбавил шаг, одернул куртку, негромко откашлялся, готовясь к переговорам, и подошел ближе.

– Добрый вечер! Кто старший наряда?

С учетом ситуации голос звучал очень даже неплохо: веско, достойно, без дрожи и ноток заискивания. Полицейские молча переглянулись. Тот, что повыше, выступил вперед.

– В чем дело, гражданин?

Лицо у патрульного было узким, бледным, с низким лбом и угловатыми скулами. Форменная шапочка с козырьком сидела на самой макушке будто маленький, гротескный цилиндр. Темные глаза смотрели на Платона из-под выпирающих, массивных надбровных дуг пристально и как-то по-волчьи оценивающе.

– Платон, – представился он и протянул руку.

Всегда нужно начинать переговоры со знакомства.

– Старшина Стечкин, – отозвался полицейским тусклым, бесцветным голосом, но руки не подал – только махнул ею в воздухе, немного не донеся до козырька своего тесного головного убора.

Платон неловко опустил руку, помялся, и заговорил.

– Дело в следующем. Я тут загулял немного. На работе было мероприятие, и не удалось, так сказать, соблюсти меру. Дома меня ждет жена, на звонки которой я всю ночь не отвечал. Адекватно объяснить ей причину своего отсутствия и

позднего возвращения я не смогу. В связи с этим у меня просьба: не могли бы вы отвезти меня в отделение, а потом позвонить моей жене и сказать, что я задержан – ну, скажем, за появление на улице в нетрезвом состоянии? Только протокол не нужно составлять и желательно уточнить, что задержали вы меня около семи часов вечера. Можно так сделать?

Платон даже почувствовал себя лучше, оказавшись в привычной ситуации формулировки коммерческого предложения. Он выдохнул и замолчал, вопросительно глядя на старшину Стечкина. Тот продолжал смотреть на Платона: ни в выражении вытянутого, костистого лица, ни в темных глазах, похожих на дырки, неаккуратно прорезанные в белой коже, ничего не изменилось.

– В каком районе проживаете? – спросил полицейский, после некоторой паузы.

– На севере, – Платон неопределенно махнул рукой. – Комендантский проспект.

– Далековато, – заметил Стечкин. – Не наш район.

Платон задумался. Этого он не учел. Действительно, странно будет, если его вдруг задержат далеко от дома, где-нибудь...кстати, где? Спрашивать было неловко. Ладно, скажет, что поймал такси, задремал, водитель по ошибке завез не туда...В общем, при наличии алиби в виде привода в отделение полиции выкрутиться можно.

– Придумаю что-нибудь, – заверил он старшину. – Главное, чтобы Вы жене моей позвонили и сказали...

– А Вы нам потом претензий не предъявите за необоснованное задержание? – все тем же безразличным тоном перебил полицейский.

– Нет, что Вы! Ни в коем случае, – замотал головой Платон и добавил: – Ну и конечно, я понимаю, что эта услуга платная. Три тысячи рублей.

Он специально назвал сумму меньшую, чем та, которой располагал, чтобы оставалось поле для торгов. Но таковых не последовало: старшина пожал плечами и посмотрел на своего напарника, который подошел ближе и стоял

рядом, прислушиваясь к разговору. Второй патрульный выглядел, как карикатурная противоположность Стечкина: невысокий, круглолицый, щекастый, а его форменная кепка была не натянута на макушку, а залихватски сдвинута на затылок, открывая прилипшие к покрытому складками лбу потные светлые волосы. Он поправил висящий на животе автомат, улыбнулся как-то уж слишком широко, так, что поднявшиеся вверх пухлые щеки превратили глаза в веселые щелочки, и сказал:

- Какие проблемы, Игорь, давай поможем гражданину! - толстяк весело подмигнул Платону, а потом быстро взглянул на старшину. Тот кивнул. Платону почему-то сделалось не по себе, и он было подумал, что идея напроситься на задержание была не слишком удачной, но пухлолицый полицейский уже по-приятельски приобнял его и повел в сторону патрульного автомобиля.

- Я за руль, - бросил на ходу Стечкин и открыл водительскую дверь.

- Ну, а мы с гражданином сзади сядем, да? Нет возражений?

Толстый патрульный стоял рядом с раскрытой задней дверцей, глядя на Платона и улыбаясь с пугающим радушием. Платон огляделся. В прозрачной ночной темноте равнодушно проносились машины, двигались редкие пешеходы, похожие на тени от волшебного фонаря; светились вывески круглосуточных магазинов; светофор на перекрестке проспектов тревожно подмигивал желтым; с натужным воем куда-то пронесся запоздавший троллейбус с пустым и темным салоном; меж рваных туч выглядывал выпученный круглый глаз, будто в грязной небесной воде проплывала неспешно над миром исполинская рыба. Платон еще раз посмотрел вокруг, на размеренную, как дыхание спящего человека, жизнь ночного города, вспомнил про неотвеченные звонки и непрочитанные сообщения на телефоне - сейчас счет был уже 34 и 10 - решительно шагнул вперед и сел в автомобиль. Полицейский тут же втиснулся за ним следом, захлопнул дверцу, Стечкин завел двигатель, и машина тронулась с места.

В салоне было тепло, душно и пахло мужчинами, проводящими круглые сутки в одежде и злоупотребляющими поддельным парфюмом; к этому запаху примешивались ароматы грубой кожи, оружейной смазки и рвоты. Колени Платона уперлись в спинки двух передних сидений; с правого бока к нему привалился грузный патрульный, короткий ствол автомата с раструбом на конце больно уперся меж ребер. Платон заерзал, отодвигаясь.

- Не бойся, - осклабился во весь рот толстяк. - Он на предохранителе.

Но автомат все-таки чуть-чуть отодвинул, хотя ствол по-прежнему был направлен Платону прямо в бок. Спокойствия это не добавляло. Где-то в мозгу вспыхнула и погасла красная тревожная лампочка.

Стечкин молча вел автомобиль, равнодушно игнорируя сигналы редких светофоров и только посматривая влево и вправо, когда пролетал через пустынные перекрестки. Платон сидел выпрямившись, с напряженной спиной, и смотрел на дорогу; бедро толстого полицейского прижималось к его ноге, и от этой почти интимной близости Платон ощущал неловкость и беспокойство. Некоторое время они ехали в тишине. Потом толстяк завозился, закричал, с трудом повернувшись к Платону, снова заулыбался, как кашалот, и произнес:

- Тебя как звать-то? А то со старшиной ты познакомился, а со мной нет.

- Платон, - подумав, сказал Платон.

- Ни фиги себе! - загоготал полицейский. - Игорь, ты слышал, его Платон зовут!

Сидящий за рулем Стечкин только что-то пробурчал сквозь зубы.

- Ну и ну! - продолжал радостно удивляться толстяк. - Вот так имячко! Что, дразнили тебя в школе?

- Не особо, - ответил Платон. С каждой секундой ему становилось все неудобнее.

- Да ладно, наверняка дразнили, - продолжал развивать мысль патрульный. - У нас в классе Федот учился, так мы над ним как только не издевались, а тут Платон...

Он покачал головой.

- А я сержант Макаров, будем знакомы, - и протянул Платону руку.

- Очень приятно, - сквозь зубы пробормотал тот и пожал влажную пухлую ладонь.

Приятно не было.

Сержант Макаров панибратски хлопнул его по плечу, подмигнул и сказал:

- Ну что, Платоха, рассказывай: у бабы был? А теперь от жены шифруешься?

Платон сжал зубы. Черт побери, ему уже тридцать пять лет, он руководит отделом в известной компании, у него высшее образование и неплохая карьера, и к такому обращению он не привык, и уж точно не собирался терпеть его от какого-то патрульного – это не говоря о том, что, строго говоря, Платон сейчас являлся заказчиком, который платит деньги за предоставляемые услуги, а оба полицейских – его подрядчиками, которым следовало бы уважать своего клиента. В обычной ситуации он бы мигом поставил этого зарвавшегося сержанта на место, но... ситуация обычной не была, машина мчалась, все быстрее и быстрее, по темным пустынным проспектам, а в бок Платону смотрел короткий ствол автомата. Он шумно выдохнул через нос и ответил:

- Нет, просто засиделись с коллегами в офисе, а потом заехали в гости к нашему директору по продажам. Я начальником регионального отдела работаю, так что мы с ним почти друзья, можно сказать.

На сержанта Макарова эта неуверенная попытка обозначить социальный статус впечатления не произвела. Он хохотнул и опять ткнул Платона в плечо.

- Да ладно, чего ты! Не стесняйся, все свои! Что за баба-то, расскажи!

Платон посмотрел в окно. В темноте мелькнула какая-то станция метро, но понять, какая именно, было невозможно: приземистый, тускло освещенный павильон, рядом уродливая громада торгового центра, ларьки, между которыми шныряли мрачные тени – все новые районы города похожи один на другой, как близнецы. Автомобиль проскочил через очередной перекресток, по короткому мосту пересек какую-то речку; дома по обе стороны проспекта исчезли: теперь справа чернел необъятный пустырь с заборами строительных площадок, а слева – гигантские корпуса то ли недостроенных, то ли давно заброшенных предприятий.

Сколько они уже едут? Неужели районное отделение полиции может быть так далеко? Сердце заныло от дурного предчувствия. Красный сигнал опасности в голове снова включился и запульсировал.

– А мы скоро приедем? – спросил Платон.

– Да скоро, скоро, – успокоил его Макаров. – Тут уже рядом, правда, Игорь?

Стечкин кивнул. Платон покосился на дверцу слева от себя: кнопка замка была глубоко утоплена в паз. Заблокировано.

Автомобиль сбавил ход и вдруг свернул в узкий, незаметный проезд между двух бетонных заводских корпусов. Под колесами заскрипел мусор и мелкие камни. Непроницаемый мрак сгустился вокруг; свет фар терялся в крошечной тьме впереди, выхватывая то неровные серые стены, то разверстые провалы дверей, то какие-то ржавые эстакады и покосившиеся ворота. Платон обернулся: редкие фонари проспекта остались далеко позади. Страх заметался внутри, как попавший в ловушку зверек.

– Парни, я тут подумал, – Платон надеялся, что голос его дрожит не слишком сильно, – наверное, я и сам справлюсь, не нужно мне в отделение. Давайте я выйду, ну, а три тысячи, конечно, все равно с меня, за беспокойство...

Он задвигался на сидении, но Макаров хлопнул его по бедру тяжелой рукой и сильно прижал.

– Сиди. Все, почти на месте уже.

Автомобиль еще раз свернул влево, въехал в короткий тупик, окруженный с трех сторон высокими стенами, и остановился. В наступившей тишине лихорадочный стук сердца звучал оглушительной гулкой дробью. Мерцание сигнала тревоги в мозгу превратилось в сплошное сияние, заливающее сознание красным, лишая способности мыслить. К горлу подступила паника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Возлюбленная тень» (лат.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/konstantin-obrazcov/ombra-adorata>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)